

Как бы вальяжно ни тянулся субботний день, про обед забывать не стоило.

Тун Хуайцин легонько постукивал пальцами по стеклянной витрине. Чи Е только казался суровым и неотёсанным, на деле же отличался редкой аккуратностью: все уголки в автомастерской были вычищены до блеска, нигде ни соринки, ни пылинки. Хуайцин убрал ладонь, и на гладкой поверхности остался лишь едва заметный отпечаток пальца.

«И сколько можно выкуривать одну сигарету?»

Сам Хуайцин не курил да и к запахам с детства относился трепетно. В прежние времена, когда он занимался за пианино, в комнате не должно было пахнуть ничем, даже духами. А в период сильных душевных невзгод он и вовсе запрещал ставить рядом вазы с цветами. В юности у него проявлялась лёгкая аллергия на пыльцу, хотя с годами она почти сошла на нет — просто резкие ароматы его раздражали, от них першило в горле.

И надо же: проторчав в этой мастерской пару дней, он как-то незаметно приняхался и привык к едва уловимому запаху машинного масла.

Чи Е всё не возвращался.

Хуайцин не выдержал и вышел на улицу.

Павловнии отбрасывали мягкую, ласковую тень. Старики, ещё недавно о чём-то толковавшие на улице, уже разошлись, но Чи Е нигде не было видно. Куда он запропастился?

Хуайцин без какой-либо цели побрёл по улице. Та беспробудно пьяная ночь будто пробила брешь в его ледяном панцире, обнажив скрытую глубоко внутри мягкость и некоторую беспечность. Стоило ему ослабить бдительность, как выяснялось, что с ним вполне приятно общаться.

Он не спеша прогуливался, ничуть не боясь заблудиться: городишко-то с гулькин нос, Чи Е в два счёта его найдёт, если захочет.

Здесь все знали друг друга в лицо, а если и не были знакомы лично, то легко находили общих приятелей. По улице никто не проходил молча — обязательно здоровались. Вот и незнакомому Хуайцину кто-то помахал рукой, а парень на велосипеде, у которого чёлка от мусса стояла колом, ещё издалека задорно свистнул:

— Эй, привет!

Хуайцин помедлил и вежливо кивнул.

Парня ничуть не смутила такая сдержанность. Он продолжал усердно крутить педали, цепь бешено вертелась, а когда велосипед почти сравнялся с Хуайцином, велосипедист внезапно выпрямился и лихо бросил руль, демонстрируя езду без рук.

От неожиданности Хуайцин отшатнулся на полшага.

Завершив свой трюк, парень снова схватился за руль и с громким хохотом умчался прочь.

Экая показуха.

Хуайцин невольно обернулся и перевёл взгляд ему вослед.

А когда повернулся обратно — вот тебе на! — за его спиной уже стоял Чи Е.

У него что, подушечки на лапах, как у кота? Ни шагов, ни шороха.

Не успел Хуайцин и рта открыть, как тот мрачно буркнул:

— У того, на велосипеде, есть девушка... К концу года свадьба.

Хуайцин хлопал глазами:

— А?..

«И что дальше? Мне-то какое дело?»

Хуайцин решил, что Чи Е просто делится местными сплетнями, и не придавал его словам значения, лишь тихонько попенял:

— Ты так долго курил.

— Угу, — с виноватым видом отозвался Чи Е, уткнувшись взглядом в землю. — Мой косяк.

Хуайцин аж растерялся: да ладно тебе, не стоит так серьёзно, он ведь просто к слову сказал.

Однако Чи Е явно вёл себя странно.

Они уже шагали обратно по узкой улочке. Чи Е плёлся следом, отстав на полшага, и молчал, погружённый в какие-то свои думы. Послеполуденное солнце светило под углом, и их тени то

сливались воедино, то снова расходились, скользя по каменным плитам мостовой.

Уже у самой двери мастерской Чи Е наконец не выдержал и озабоченно почесал затылок:

— Э-э... На самом деле я тоже так умею.

Хуайцин, уже заносивший ногу через порог, замёрз на месте:

— Ты о чём?

— Ездить на велосипеде без рук. Я могу проехать так гораздо дольше, чем он.

Стрекот цикад затих, но вместо них где-то неподалёку истошно замыкали коты — визгливо и назойливо.

Хуайцин озадаченно оглянулся.

«Что с ним вообще происходит?»

Вышел выкурить сигарету, а возвращается с таким видом, будто совершил нечто противозаконное: глаза бегают, губы поджаты, и на лице написано крайнее уязвление.

За обедом странность поведения Чи Е заметила даже обычно нескладная Ноно.

Девочка даже перестала грызть свиную ножку и, хлопая глазами, уставилась на брата:

— Братик, ты чего такой?

Чи Е положил ей в пиалу тушёных овощей:

— Ничего. Ешь давай.

«Дело нечисто», — подумал Чэнь Сянъян и, подперев щёку кулаком, перевёл пристальный взгляд с брата на Тун Хуайцина, но ничего не сказал.

От этого взгляда Чи Е стало неважно. В душе у него бушевала буря, мысли путались, а тут ещё Яньян — парень внимательный, да к тому же ужасно любопытный. Недавно дедушка Янь наплёл какую-то чушь про «звезду любви», дескать, суженая Чи Е будет не из их уезда, так эти двое сопляков уши и распустили, принявшись шептаться, уж не положил ли он глаз на новенькую симпатичную учительницу английского.

Раньше Чи Е было плевать: пусть болтают что хотят, от слухов не убудет.

Но теперь рядом появился Тун Хуайцин...

Чи Е украдкой скосил глаза. Гость ничуть не страдал от похмелья; он ел не спеша, с изящной, выверенной аккуратностью, так что обычная пиала с белым рисом в его руках казалась деликатесом, а сам он напоминал лакомого котика, смакующего рыбу.

Постойте-ка.

Тун Хуайцин ведь тоже... приехал из других краёв!

Чи Е обомлел. В голове у него немедленно завязалась отчаянная драка двух человечков. Один орал: «Очнись, дурак, он же мужик!», а второй, умилённо подперев щёчки, пищал: «Но он же такой милый!»

Впрочем, у Чи Е имелось одно бесспорное достоинство — умение держать себя в руках.

Какая бы буря ни бушевала внутри, на лице не отражалось ни тени эмоций. Со стороны казалось, будто он просто засмотрелся в одну точку.

Ему удалось провести даже пронизательного Сянъяна.

И лишь мелкая Ноно, утерев рот, хихикнула:

— Братик, ты на него так смотришь, будто перед тобой пирожок с куриной ножкой!

Чи Е мгновенно отвёл взгляд, за три секунды сгрёб оставшийся рис в рот, подхватил свои палочки и резко поднялся:

— Кто последний доест — тот и моет посуду!

Девочке стало не до смеха, и она тут же принялась усердно работать ложкой.

Сянъян ткнул её локтем в бок:

— Выдумываешь всё. Брат вообще эти пирожки не любит, говорит, они слишком жирные.

— Да знаю я, — набив рот, пробормотала Ноно. — Просто когда я вижу пирожок с курицей, у меня сердце радостно колотится! Вот и у братишки сейчас было точно такое же выражение

лица!

Впрочем, из-за набитых щёк её бубнёж едва ли кто разобрал.

Сянъян лишь слегка щёлкнул её по лбу:

— Прожуй сначала, потом болтай... Ой, брат Тунтун!

Тун Хуайцин изящно поставил пустую пиалу на стол и вежливо наклонил голову.

Пока дети шумно препирались, он успел доесть всю порцию — лишь бы не оказаться последним и не попасть под раздачу. Выдумал тоже — малышню обдирать!

Однако не успел он сделать и пары шагов к выходу, как тяжёлая рука Чи Е опустилась ему на плечо.

После обеда снова требовалось идти на капельницу. Маленький доктор Ван велел ходить три дня подряд.

Делать нечего, Хуайцин смирился. Он поднялся, немного размялся и собрался в путь, но, обернувшись, обнаружил, что Чи Е увязался за ним.

— Не нужно со мной идти, — мягко произнёс Хуайцин. — Я и сам справлюсь.

Жар уже почти спал. По опыту Хуайцин знал: высокая температура у него сбивается быстро, а вот вялотекущая субфебрильная — самая мучительная, может тянуться и липнуть целую неделю.

Чи Е тем временем уже прикрыл дверь мастерской и невпопад ляпнул:

— Ты ведь тоже не из нашего уезда.

И тут же спохватился, моментально прикусив язык.

Потому что Хуайцин посмотрел на него как на законченного идиота.

Чи Е помрачнел.

«Досада-то какая!»

Всю дорогу до клиники он не проронил ни слова.

На самом деле Чи Е вовсе не намеревался липнуть к Хуайцину как банный лист. Он и сам дичился собственного неожиданного порыва. Просто дома почти закончилась мазь от ожогов — тюбик скрутили до самого донышка, вот он и решил докупить ещё.

Ну и заодно составить компанию Хуайцину.

В итоге же оба получили отборную нахлобучку.

Врач из местной амбулатории, Маленький доктор Ван — по имени Хай, — рос с Чи Е в одном дворе. Они с детства вместе хулиганили, вместе получали на орехи от взрослых, вместе дрались и глушили дешёвое пойло. А когда Ван Хай женился, именно Чи Е был у него дружкой и один принял на себя весь удар во время традиционных бесчинств гостей.

Не то чтобы местные жители отличались диким нравом — просто отец Ван Хая был редкостной дрянью. Дрянной старик, заядлый игрок, жадный и похотливый, наплодил долгов и врагов, а на жену с сыном ему было плевать. Когда парень изо всех сил выкарабкивался из этой грязи и наконец поступил в мединститут, сбежавший папаша неожиданно объявился, чтобы примазаться к чужому успеху, и даже оплатил два года учёбы.

Ван Хай тогда даже прослезился, решил, будто отец одумался и вернулся в семью. Его мать, женщина забитая и кроткая, лишь беспомощно качала головой и тихо повторяла: «Это же твой отец...»

Однако, передохнув пару лет, сбежавший пустился во все тяжкие заново. А те два года оплаты за учёбу стали для него поводом с гордостью заявлять в пьяных компаниях: «У меня сын — будущий врач, я его выучил!»

Позже Ван Хай до копейки вернул отцу те деньги с самыми высокими процентами, чтобы окончательно порвать связи. Но шлейф отцовских долгов тянулся долго. На свадьбе бандиты перекрыли выходы и потребовали шестьсот тысяч юаней.

Именно Чи Е встал тогда на защиту друга и уладил дело с бандитами, не дав испортить праздник. Шрам над бровью и на спине остался у Чи Е именно с того дня.

Но все прошлые заслуги ничуть не помешали докторчику сейчас обругать приятеля на чём свет стоит.

— Ты совсем из ума выжил?! — ругался Ван Хай, накладывая мазь и бинтуя руку Чи Е. — У тебя же пузыри уже пошли, сукровица просачивается! Инфекцию занести хочешь? Если так, на кой чёрт ты вообще ко мне припёрся, сидел бы дома да ждал, пока само отвалится!

Чи Е ничего не отвечал, лишь молча и украдкой посматривал на Хуайцина.

Тот и впрямь заметно нервничал, не сводя глаз с его воспалённого предплечья.

Ван Хай, отличавшийся редкой болтливостью, продолжал ворчать:

— Хоть погода и прохладная, под бинтами всё преет, запросто воспаление начаться может... Эй! Ты чего мне на ногу наступаешь?!

Чи Е с абсолютно каменным лицом уставился на друга.

Что и говорить, когда Чи Е молчал и хмурился, вид у него становился по-настоящему жутковатым. Природный талант, ничего не скажешь.

Даже Ван Хай, знавший его с пелёнок, невольно поёжился и сбавил тон:

— В общем, будь осторожнее. И приходи ко мне на перевязку, я сам буду следить.

Медсестра принесла приготовленные препараты, окликнула Тун Хуайцина по имени и приготовилась ставить капельницу.

— Как вы себя чувствуете? Хорошо отдохнули?

Хуайцин чувствовал себя виноватым из-за руки Чи Е, потому и ответил тише обычного:

— Да, спасибо... Сегодня проспал до самого полудня.

Ван Хай удивлённо вскинул брови:

— Ого! А вы, оказывается, любитель поспать.

— Я вчера немного перебрал, — честно признался Хуайцин. — Потому и спал так крепко.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Доктор изумлённо воззрился на пациента:

— Вы же только вчера с высокой температурой лежали! Едва лихорадка спала — и сразу за алкоголь?!

— Это было всего лишь рисовое вино... — смущённо пробормотал Хуайцин, под строгим

взглядом врача окончательно теряя уверенность.

— И сколько вы выпили?

— Пиал несколько... Не помню.

Ван Хай хлопнул ладонью по столу:

— Совсем с ума сошли! Организм и так ослаблен, а спиртное только раздражает желудок и кишечник! При жаре вы ещё и острую, раздражающую пищу употребляете? О чём вы вообще думали?! Или вам нравится болеть?!

Такой уж характер был у Маленького доктора Вана — любил поучать. Чужих людей он не стеснялся, а за долгие годы врачевания привык видеть в пациентах не мужчин и женщин, а лишь объекты лечения, требующие строгой дисциплины. Врачи ведь как родители — всё из лучших побуждений.

Заведясь не на шутку, Ван Хай наклонился к Хуайцину почти вплотную.

Никто и глазом моргнуть не успел, как Чи Е шагнул вперёд, цапнул спинку его стула и вместе с сидящим на нём доктором оттащил того на добрый метр назад.

Ван Хай от неожиданности едва не подпрыгнул:

— Ты чего творишь?!

Чи Е с перебинтованной рукой стоял над ним с мрачнейшей миной.

Несмотря на многолетнюю дружбу, доктор даже чуть испугался.

— Ты ему чуть на нос не сел, — хмуро пробурчал Чи Е.

Чего?!

Маленький доктор Ван обомлел, разинув рот от изумления. Он, честный семейный человек, сидел от пациента на вполне приличном расстоянии!

И пока он пытался переварить происшедшее, Чи Е уже молча вернулся на место, уселся рядом с Хуайцином, наклонился к нему вплотную и принялся тихо-тихо что-то шептать, утешая.

При этом вид у него был настолько серьёзный, а взгляд настолько пристальный, что он даже не мигал.

И сидел он к Хуайцину гораздо ближе, чем только что сидел Ван Хай!

Маленький доктор Ван почесал подбородок. Вдруг у него словно зубы заныли от этой картины.

«Слава богу, что этот Тун Хуайцин — парень, — подумал доктор. — Будь он девушкой, я бы над этим здоровым лаптем ещё полгода насмеялся из-за такой нежности».

Прошло несколько минут.

Чего это они всё шепчутся и шепчутся?

Чи Е явно сказал что-то смешное, потому что Хуайцин внезапно улыбнулся и с невнятным укором одарил его быстрым, лукавым взглядом.

Получив этот косой взгляд, Чи Е не только не обиделся, а напротив — расплылся в довольной, расслабленной улыбке.

Ван Хай онемел.

От этой улыбки здорового бугаила ему стало как-то не по себе.

Прошло ещё немного времени.

Да что ж такое! Все улыбаются и никак не умолкнут!

Маленький доктор Ван в полном сердитом изумлении поднялся и ушёл в заднюю комнату заниматься себя делами. Он решил, что Чи Е срочно нужно сделать снимки мозга — ну не может человек в здравом уме ходить с таким влюблённо-придурковатым лицом!

Фу ты ну ты...

Просто глаз режет!